

КСЕНИЯ МЯЛО

НА ОБОЧИНЕ

Скорость, с какой ведущими странами Запада, в том числе и Соединёнными Штатами, были признаны итоги состоявшихся 4 марта 2012 года президентских выборов в России, не может не впечатлять. Особенно если вспомнить, с какой быстротой и жёсткостью немногим более года назад теми же странами была поставлена под сомнение легитимность таких же выборов 19 декабря 2010 года в Белоруссии и как изменилось с тех пор международное положение этой страны, не говоря уже о её президенте А. Лукашенко. И это при том, что на протестные митинги в Москве и других городах после 4 декабря 2011 года вышло гораздо больше людей, чем когда-либо удавалось собрать белорусской оппозиции. Тем не менее, произошло то, что произошло, и хотя Запад давно уже не может удивить нас своей виртуозностью в применении двойных стандартов, хотелось бы услышать хоть сколько-нибудь внятное объяснение их применения именно в данном конкретном случае. Услышать не от Запада, конечно, но прежде всего от тех, кто на протяжении трёх месяцев упорно настаивал на «оранжевой» опасности, прямо угрожающей независимости России. К сожалению, таких объяснений до сих пор услышать не удалось — ни от «антиоранжевой» общественности, ни от Кремля.

Что до первой, то лично меня отнюдь не убедили витиеватые ответы на этот прямой и достаточно простой, но сугубо важный вопрос, предложенные на страницах газеты «Завтра». Что же до Кремля, точнее же близких к нему политологов и журналистов, то, судя по фильму «Анатомия протеста», показанному по НТВ 15 марта, то есть спустя уже 11 дней после выборов и признания их легитимности международным сообществом, тему «оранжевой угрозы» здесь намерены разрабатывать и впредь. Видимо, нисколько не заботясь о том, что в свете состоявшегося признания сама эта угроза если и не превратилась полностью в «бумажного тигра», то, во всяком случае, заметно поблекла и утратила тот устрашающий облик, в котором рисовалась на протяжении нескольких месяцев.

В самом деле, речь ведь всё последнее время шла о каких-то хорошо организованных и опирающихся на солидную иностранную поддержку силах, готовых, подобно легендарному графу Хулиану (Юлиану из пушкинского «Родрика»), призвать «мавров на Испанию родную». И что же? «Юлианы», если принять такую версию, постарались, как могли, сильно всколыхнули общество, а вот «мавры» в последний момент почему-то бросили их на произвол судьбы и расточились, хотя, как уверяли иные, едва ли уже не подтягивали войска к рубежам нашего отечества. Нет, воля ваша, но тут концы с концами как-то не сходятся. И свести их уж никак не помогут фильмы наподобие «Анатомии протеста», в котором выдержанные в театрально-зловещем тоне комментарии

сопровождает мешанину кадров, не только не проливающих никакого света на пресловутую “анатомию”, но временами и вообще теряющих какую-либо внятную смысловую связь между собою. Словом, в профессиональном отношении никуда не годная работа, и дело не только в её слишком уж откровенной пропагандистской направленности. В конце концов, пропаганда, как всякий жанр, имеет свои блистательные образцы, но и свои законы, требующие высокого энергетического напряжения и абсолютной ясности цели, которой она должна послужить. Но в том, что касается представленного публике изделия, мне так и осталась непонятной именно цель, во имя которой оно было изготовлено.

Фильм заканчивается выражением надежды на то, что десятки тысяч людей, в суровые морозы выходившие на митинги протеста, теперь, прозрев (видимо, под влиянием упомянутого изделия), уже не пойдут за своими так откровенно стакнувшимися с “маврами” вождями. Но это, как говорится, и вовсе уж холостой выстрел. Потому что ещё до выборов 4 марта зазвучали – притом с самых разных, в том числе и с “оранжевой”, сторон – голоса, заговорившие о том, что так бурно и ярко стартовавшее после 4 декабря движение начинает выдыхаться, затопталось на месте и, по многим признакам, неумолимо начинает идти на спад, а количество участников протестных акций раз от раза убывает. Ещё очевиднее это стало 5-го, а затем 10 марта, в день, когда, как предупреждали “антиоранжевые”, с высокой степенью вероятности должна была начаться раздача палаток и, соответственно, переход к московскому “Майдану”. Однако раздавать палатки никто не стал, и отнюдь не потому, что их где-нибудь на дальних или даже на ближних подступах перехватил бдительный ОМОН (или теперь ОПОН?). А потому, что их просто-напросто не было, о чём с саркастическим смехом поведал комментатор, даже не задумавшись о том, что один этот факт обрушивает так старательно выстроенную конспирологическую схему. В самом деле, ведь в Киеве недостатка в добротных палатках не наблюдалось, так почему же их не оказалось в Москве? Может быть, “мавры” на сей раз поскупились? Или, может быть, они неожиданно передумали? Смешные предположения, конечно, и, полагаю, ларчик открывается много проще.

Думаю, в Москве никто и не собирался устраивать никакого “Майдана”; во всяком случае, если такие планы когда-либо существовали, то уже, по крайней мере, два месяца назад они были положены под сукно, о чём свидетельствует сам факт стремительного и безоговорочного признания состоявшихся выборов. Успеху же Путина, между прочим, немало поспособствовала как раз взвинченная “антиоранжевая” кампания, в которой, не сомневаясь, многие люди участвовали по искреннему побуждению, но которая – возможно, помимо их воли – послужила совсем другой цели. Она позволила перенаправить общественное внимание на ложную мишень, не позволив ему сосредоточиться на реальных, болезненно затрагивающих жизнь миллионов людей проблемах и развернуться подлинному протесту, способному, как знать, поставить под вопрос конечный исход выборов. Что, возможно, как раз и не устраивало “мавров”. Во всяком случае, благосклонное согласие Запада – что бы там ни заявлял вице-президент Байден весной минувшего года – на третий президентский срок Путина не позволяет с порога отвергнуть такую гипотезу. В конце концов, если, как давно сказано, Париж стоит мессы, то почему бы Ульяновский аэропорт, сдаваемый российским правительством под перевалочную базу НАТО, не стоил карьеры нескольких политиков, так или иначе всё равно уже представляющих собой “уходящую натуру”?

Сразу скажу, что лично меня их уход из активной общественной деятельности несколько не опечалил бы: у меня к этим людям есть свой и немалый счёт. Я никогда не забуду их равнодушия к судьбам русских и не только русских людей, при распаде Союза мгновенно лишившихся Родины и нормального гражданского статуса. Никогда не забуду их глумления над теми, кто выходил на *красные* протестные демонстрации в начале 90-годов, кто принял на себя смертоносный огонь в 1993 году и кого они презрительно именовали “совками”. Наконец, их полного безразличия к обездоленным, сброшенным если не в нищету, то в откровенную бедность труженикам, которым те же самые люди высокомерно объясняли, что в бедности своей “лузеры” сами и виноваты. Нет, я не хотела бы, чтобы именно эти люди пришли к власти. Однако сегодня не они у власти. Не они принимали решение о том, чтобы допустить натовские военные грузы в самое сердце России, на Волгу – притом даже не потрудившись

поинтересоваться мнением граждан хотя бы Ульяновской области на этот счёт. Не они позволили в самом начале текущего года натовским миротворцам войти в зону безопасности на Днестре. Не они, опять-таки без веденя и согласия российского общества, 3 сентября 2011 года передали Азербайджану два территориальных анклава, притом не оказав обещанную помощь и не выплатив компенсаций более чем 500 российским гражданам, исправно платившим налоги в российский бюджет и посылавшим своих сыновей служить в Российскую армию. Кто-нибудь поморщится: ну подумаешь, 500 человек, стоит ли из-за них огород городить, когда тут такое — «оранжевые» наступают. Мы ведь привыкли оперировать большими числами. Но ещё неизвестно, как отзовётся такое грубое пренебрежение человеческими судьбами в беспокойном Дагестане; и потом, разве не отразилось в этой истории, как в капле воды, общее отношение руководства страны к нам всем, её гражданам?

Скажут ещё: а «оранжевые» сделали бы то же самое и, возможно, ещё худшее. Может быть, и сделали бы. Но остаётся фактом, что всё перечисленное сделали не они, а те, в чьих руках сегодня находятся бразды правления и кто распоряжается судьбами людей в России. Они, стало быть, и несут всю полноту ответственности за это, а ведь я назвала ещё только малую часть того, что можно было бы вменить им в вину.

А вот за что несёт ответственность именно «старая гвардия», возросшая ещё на дрожжах 90-х годов, а двадцать лет спустя вдруг представшая в качестве лидеров протестного движения совсем другой эпохи, — так это за то, в какое русло оказалось направленной под их руководством накопленная энергия протеста. За то, что так бурно и ярко заявившее о себе на старте движение оказалось неспособно стать выразителем широкого и глубокого общественного недовольства и целиком подчинило себя по определению не имеющему долгосрочной перспективы лозунгу «За честные выборы!». За то, что оно не сумело выйти на более длинную дистанцию и хотя бы приблизительно обозначить, что именно его лидеры, да и рядовые участники намерено делать *после* выборов. А особенно — объяснить, каким оно видит своё будущее в случае, если итогом «честных выборов» окажется третий срок В. Путина. Что и произошло и что, в сущности, можно было предвидеть заранее. Так, например, выступая в передаче «Особое мнение» («Эхо Москвы», 23 декабря 2011 года, Ксения Собчак заявила: «... Я верю в то, что завтра на митингах будут люди, которые не выступают против Путина в том смысле, что не желают сегодня смены режима. Я — реалист, я понимаю, что в марте мы выберем Путина».

Заметим, это слова не рядового участника митингов, но человека, постоянно стоявшего на трибуне. И если столь ясным и реалистичным было понимание ситуации ещё за два с половиной месяца до выборов президента, то чем объяснить упорство, с которым лидеры движения на протяжении всего этого времени отказывались расширить объём требований к власти; как объяснить, почему как от огня шарахались от крупных социальных проблем (куда-то в тень отошла даже тема чудовищной российской коррупции) и упорно настаивали всё на том же, по сути, единственном лозунге «честных выборов». Что ж, выборы и состоялись — достаточно честные для того, чтобы итоги их не стала оспаривать даже немалая часть оппозиции, в том числе и несистемной. Не говоря уже об иностранных наблюдателях. Так стоит ли удивляться, что движение стало неумолимо рассеиваться и что процесс такого рассеивания, как уже говорилось, начался ещё до 4 марта: ведь больше сказать ему было нечего, а потому погасло оно столь же быстро, как и вспыхнуло. И только под таким углом зрения его нельзя не признать явлением по-своему уникальным, во всяком случае, не имеющим аналогов в современном мире.

* * *

Уникальность эта особенно резко бросается в глаза на фоне вскипающих повсюду на Западе, даже в США, не говоря уже о Европе, массовых протестных движений, которые идут под лозунгами требований социальной справедливости и неприятия нарастающего в мире разрыва между бедностью одних и богатством других. Именно такие плакаты можно было видеть в Бельгии, Франции, Испании, Греции 29 февраля, в общеевропейский День Гнева, когда на улицы вышли сотни и сотни тысяч людей. Именно такие лозунги звуча-

ли в феврале в Мадриде и Барселоне, а в начале марта в Риме и Милане на огромных демонстрациях протеста против попыток упростить процедуру увольнения наёмных работников – т. е. против того, что не столь давно у нас называлось (а в Европе и теперь называется) наступлением на права трудящихся. И повсюду на этих демонстрациях активно присутствовал красный цвет, который только злонамеренно или же пребывая в постперестроечном умопомрачении можно, как это делается сегодня, пожалуй, в одной лишь России, считать неким реликтом “семидесятилетнего лихолетья”, как, сожалению, назвал всю величественную и трагическую советскую эпоху покойный патриарх Алексей II. Реликтом, дорогим, как выразилась одна из участниц телепрограммы “Исторический процесс” (18 января 2012 г.), лишь для “людей малообразованных, малообеспеченных” – подразумевается, видимо, что это одно и то же. Именно потому, не погружаясь в дебри симвонологии, считаю необходимым всё же напомнить, что история этого благородного цвета много древнее, а значения его неисчерпаемы и возвышенны. Это – цвет жизненной, в основном, воинской энергии (индийский “раджас”) и мученичества, цвет королевских и великокняжеских орифламм и одновременно цвет народных восстаний, страстно устремлённых к преодолению общественной несправедливости, почитаемой *тяжким грехом* против божественных установлений. Того, что так прозорливо сумел разглядеть Н. Гумилёв в самых сокровенных чаяниях русской души: “Русь бредит Богом, красным пламенем, \ Где видно ангелов сквозь дым...” Наконец, цвет победы над смертью – Воскресения.

Те, кто вышел на улицы и площади российских городов после 4 декабря 2011 года, предпочли белую ленточку, и это, конечно, их право; однако нельзя не заметить, что выбранный цвет уже сам по себе являл резкий контраст с цветом параллельно разворачивающихся европейских протестных демонстраций. И если бы ещё контраст бы только цветовым – но ведь это не так. Не берусь судить о мотивах тех, кто остановил свой выбор именно на белом цвете, и можно ли говорить в данном случае о попытках провести сознательные аналогии с белым движением. Но если они и были, то их никак нельзя признать удачными, скорее уж можно было бы говорить о профанации этой, столь же неотъемлемо нашей, как и красная, части отечественной истории. Ни жертвенного мужества, ни возвышенного, пусть и обречённого служения идеалу *Святой Руси*, составлявших духовное ядро белого движения, “болотники” отнюдь не обнаружили. Я ни в коем случае не соглашаюсь с теми, кто толковал выбранный ими цвет как символ сознательной капитуляции или как цвет савана, заготовленного ими для России (звучало и такое). Но реально он действительно стал, на мой взгляд, символом неспособности – если только не отсутствия желания – наполнить движение подлинно широким дыханием. Что невозможно было сделать, не отозвавшись на боли и беды миллионов людей, а этого-то как раз и не произошло. Но в таком случае отлив массовой энергии от него становился неизбежным, и не думаю, что делу поможет, как то советуется, например, глава Центра политических технологий Игорь Бунин, обращение к “карнавальной форме”, “флешмобам”, “концертам”.

Напротив, полагаю, что как раз атмосфера безмятежного пикника, все эти детские ленточки и шарики, которыми отметил себя протест при первом же выходе на Болотную, стали одной из причин его столь быстрой стагнации. Потому что никакой серьёзный протест, особенно в стране, столь неблагополучной, как нынешняя Россия, не может и не должен предлагать перманентное “здесь танцуют”. С танцев можно начинать, но далее следует называть проблемы и предлагать пути их решения. Действуя так, движение – не выходя за рамки закона и не обращаясь к насилию – обозначает для власти черту, которую она, власть, не должна пересекать, если намерена соблюдать условия общественного договора. Обозначает затем, чтобы избежать обращения к “последнему доводу” не только королей – потому что о том, на что имеет право народ в случае невыполнения властью её обязательств, каждый, кому это интересно, может узнать, обратившись опять-таки к классике, в данном случае к американским просветителям. Тем большее значение обретает проведение такой черты во времена беспокойные, подобные тем, которые наступили сейчас в связи с глобальным экономическим кризисом, положившим на Западе конец “эпохе всеобщего благосостояния”. Что, в свой черёд, привело к возвращению на авансцену казавшейся давно списанной в архив стилистики социального протеста.

Начало кризиса принято относить к 2008 году, однако первые признаки перемены всего общественного воздуха, самого “цвета времени” обозначились несколько раньше, во Франции, которую весной 2006 года захлестнула первая столь сильная после Мая-68 волна молодёжно-студенческих выступлений, миллионных манифестаций, блокад университетов и лицеев, перекрытия железных дорог. Наши СМИ говорили и писали об этом не слишком много, разве что упоминали о Париже, но и Париж всё-таки больше присутствовал в привычном ракурсе светских новостей и демонстраций высокой моды: на это драгоценного телевизионного времени никогда не жалеют. Но мне как раз тогда случилось оказаться во Франции и самой испытать то редкостное ощущение сдвига времён, о котором вскоре заговорят все. И тогда же сделать вывод, что участвовавшие приступы социальной лихорадки в этой известной своей исторической сейсмичностью стране могут быть признаками далеко не локальной болезни. А сам конфликт, детонированный ущемляющим интересы молодых работников пересмотром так называемого *контракта первого найма* (подробнее я писала об этом в статье “На круги своя: Россия перед вызовом глобализации”. – “Россия-XXI” № 56, 2006 – № 1, 2007) может стать предвестником событий общеевропейского масштаба

Так и случилось, и в минувшем году даже наше TV, тщательно избегающее тревожить воображение граждан картинками “социальной розни”, что у нас подпадает под соответствующую статью, не могло не транслировать хоть что-то из происходившего в Греции, Испании, Италии, Англии и даже хрестоматийной цитадели либерального капитализма – США (движение “Захвати Уолл-стрит”). А главную причину того, что там происходило, ещё весной 2006 года точно и ёмко определил экс-премьер Италии Романо Проди: “В Италии, как и во Франции, впервые после окончания войны (Второй мировой. – **К. М.**) молодые люди боятся оказаться беднее предыдущего поколения” (Le Monde, 1 avril 2006).

С тех пор под ударом оказались уже не только молодые люди, ряды протестующих ширятся, и неудивительно, что новым общественным настроениям более созвучной оказалась не карнавальность Парижского Мая и, в целом, эпохи “детей цветов”, а скорее жёсткость и политическая прямота порядком подзабытого Бертольда Брехта. И разве не по-брехтовски звучала уже одна из самых популярных речёвок бунтующих лицеистов 2006 года: “Мы не мясо для хозяев”. Здесь не поддающаяся буквальному переводу игра слов: “chair à canons” – “chair à patrons” (“пушечное мясо” – “хозяйское мясо”). Смысл, однако, ясен, как ясно и то, что такой лозунг мог бы звучать и в 20-е – 30-е годы прошлого века, а то и раньше. Шесть лет спустя это стало ещё более очевидным, что очень пронизательно подметил Лука Ронкони, режиссёр миланского “Пикколо театро”, недавно совместно с российским Малым театром поставивший брехтовскую “Святую Иоанну скотобоен”, отвечая на вопрос о наличии в спектакле “аллюзий на современный кризис”. Спектакль, по его словам, конечно, не должен быть “суррогатом газеты”. Но “злободневные намёки на кризис настолько очевидны в самом тексте, что дополнительных подчёркиваний не нужно. Благодаря пьесе мы понимаем, насколько он старый, этот кризис. Он был актуальным уже 60 лет назад и ранее” (“Независимая газета”, 1 марта 2012).

Вот этой-то актуальности не смогло ни уловить, ни тем более выразить движение “белой ленточки”. Стороннему наблюдателю, предположим, вообще ничего не знающему о терзающих Россию бедах, даже могло бы показаться, что дело происходит в социально благополучной стране, никак не затронутой так изменившим Европу кризисом. Но мы-то, здесь живущие, знаем истинное положение дел. Так почему же, словно по умолчанию, тема эта почти исчезла с митингующих улиц и площадей? О причинах, вероятно, будут ещё много говорить, но одна из них уже сегодня бросается в глаза. И это, по моему глубококому убеждению, – нескрываемое стремление “белоленточников” обособиться от *массы*, барахтающейся в каких-то там житейских невзгодах.

* * *

Стремление это уже на старте движения было подчёркнуто настойчивым указанием на особый не только социальный, но и материальный статус “болотников”, которым они будто бы обязаны исключительно собственным зас-

лугам — высокому уровню образованности, творческим способностям и энергии и т. д и т. п. Я вовсе не хочу сказать, что все участники многотысячных демонстраций обладали таким материальным статусом, но такой оказалась их доминирующая идеология, чему имеется множество свидетельств.

Из статьи А. Самариной “70% митингующих — либералы по убеждениям”: “Это элита общества по образованию и роду занятий, — сказал Владимир Рыжков. — Это люди, которые определяют будущее страны. И очень приятно, что 70% — граждане демократических, либеральных взглядов.

... Борис Немцов рассказал, что... на проспекте Сахарова выделялись две группы: “Одна состояла из активистов широкого спектра — от правых и националистов до либералов и демократов...” — процентов до 10. “Остальные 90 тысяч — просто обманутые, равнодушные граждане, относящиеся к среднему классу. Это не были обездоленные, безработные, гастарбайтеры, нищие... это были белые воротнички, менеджеры, интернет-активисты, деятели литературы и искусства. Это была креативная Москва. Вполне образованная и интеллигентная” (“Независимая газета”. 27.12.2011. — Курсив мой. — К. М.)

Из статьи Игната Калинина “Кто протестует в Москве”: “... Результаты опроса (проведенного Левада-центром) подтверждают, что на улицы выходит образованный, креативный класс столицы... У 70% есть хотя бы одно высшее образование, 89% процентов пришедших зарабатывают себе на достойную жизнь...” (“Московский комсомолец”, 28 декабря 2011 год). Последнее особенно впечатляет: сказано так, как если бы уже само по себе наличие высшего образования являлось в нашей стране гарантией получения заработка, способного обеспечить “достойную жизнь”! Хотя, несомненно, даже иные иностранцы, которым это интересно и для которых не составляет никакого труда ознакомиться в интернете с данными Росстата и открытой печати, знают, как мало соотносится одно с другим в нынешней России. А ещё лучше знают об этом многие и многие отечественные обладатели высшего образования, чьи заработков едва хватает, чтобы не очутиться за чертой бедности. Зачем же было так настойчиво подчёркивать то, что имеет очень мало общего с действительностью, если не затем, чтобы ещё и ещё раз переживать слабое ощущение своей элитарности, обособленности от погружённых в социальное убожество масс “обездоленных и нищих”?

Вот, например, телевизионная программа EuroNews (4 марта 2012 года, 23.00), вообще не мудрствуя лукаво, сообщила, что на улицу вышли “горожане с высоким уровнем дохода”; и если подобная картина не вполне соответствовала реальному составу участников митингов, остаётся бесспорным, что такое, с этической точки зрения более чем сомнительное, подчёркивание их социально-экономического превосходства по отношению к огромному количеству остальных граждан России, не вызывало у них отторжения. А стало быть, отвечало внутреннему стремлению к превосходству именно такого рода, и, в принципе, они соглашались отождествить социальное и даже гражданское достоинство человека с его материальным достатком. Стало быть, принимая идеал элитарной демократии, эту химеру, обретшую столько поклонников в новой России. С предельной ясностью дух такой специфической демократии выразил А. Ермолин, в статье “О неизбежности креативной революции в России” (The New Times, 19.12.2011) прямо назвавший главной задачей такой революции “создание новых элит и нового российского народа”. “Старому” же, логично заключить, предстоит отправиться на очередную “переплавку” — под руководством нового “гегемона”, конечно, на роль которого “белая ленточка” уже попыталась выдвинуть так называемый креативный класс. Понятие это тотчас же пошло кочевать по всем страницам, не говоря уже о Сети, однако мало кто задумался над тем, насколько оно, как то уже не раз бывало в нашей стране, будучи позаимствовано из совсем другой реальности, соответствует собственно российской действительности. А потому не лишними будут, думается, некоторые уточнения и пояснения.

Теория креативного класса была создана американским экономистом и социологом Ричардом Флоридой, чья книга “Креативный класс: люди, которые меняют будущее” вышла в свет в 2002 году (русский перевод появился в 2005) и привлекла очень большое внимание предпринятой в ней попыткой обрисовать главные черты социальной структуры “общества знаний”. В соответствии с резко возросшей ролью знаний, в том числе и сугубо экономической,

в таком обществе на первое место выдвигаются люди, занятые решением сложных задач, для которых требуется независимость мышления и высокий уровень образования. Они и образуют креативный класс, к которому Флорида причисляет, прежде всего, людей, занятые в научной и технической областях, в искусстве и образовании; затем следуют бизнес и финансы, здравоохранение, право и смежные со всем этим сферы. Нетрудно заметить, что приоритет отдаётся, в основном, деятельности широкого социального значения, достойное вознаграждение которой позволяет людям, занятым в ней, твёрдо стоять на ногах и максимум своей энергии отдавать творчеству. Но кто решится утверждать, что так же обстоит дело сегодня и в России? Не утверждают ничего подобного и сами наши отечественные “промоутеры” этого понятия, под чьими перьями и на чьих компьютерах оно, напротив, стремительно стало превращаться в ещё один инструмент социальной селекции, теперь уже и среди носителей знания и обладателей не только дипломов о высшем образовании, но даже и учёных степеней. Так, например, в редакционной статье “Независимой газеты” за 28 декабря 2011 года читаем: “И тут главный вопрос, который должны понять власти, – кто же именно сегодня выходит на улицы? Раньше власть мало интересовалась этим. Предполагалось, что людей интересуют только зарплаты, а не политика. А так как на площади выходят, как правило, не бюджетники, а те, кто зарплату получает не от властей, то и претензий к властям они как бы не должны иметь” (курсив мой. – К. М.).

Как видим, под гребень селекции здесь попадают уже не только “обездоленные и нищие”, но и бюджетники, то есть – врачи, учителя и даже университетские преподаватели, немалая часть инженеров и научных сотрудников. Словом, все те, кто, по мысли самого автора понятия “креативный класс”, как раз должны были бы составлять ядро этого класса, но у нас оказались потеснены офисными работниками. Понятие же “бюджетник” вообще превращается у нас на глазах в клеймо, свидетельствующее о некой гражданской неполноценности, не говоря уже о полной неспособности к *креативной* деятельности тех, кто им помечен. Что уж тут говорить о таких бюджетниках, как военнослужащие, а тем более пенсионеры, этот объект почти зоологической ненависти некоторых “креативных” интернет-активистов. Так, некто, представившийся как *musin damir*, даже назвал их “самым большим электоральным злом”, “паразитарным электоратом” и, как следствие, предложил приравнять предоставление пенсии “к отказу от права голоса”.

Что ж, дело, по крайней мере, многое объясняет – то, например, почему иные люди, интуитивно ощущающие дыхание этой ненависти, готовы поддержать даже и существующую власть, относительно которой не имеют никаких иллюзий. Примечательно, что мысли о “паразитарном электорате” и прочем были записаны сразу же после того, как в полночь истёк день 10 марта – тот самый, в который многим стало окончательно ясно, что в прежнем виде движение исчерпало себя. Но показательно, на кого оказалась обрушена ярость!

Конечно, более респектабельная печать не позволяет себе высказываться с такой прямотой. Однако далеко ли, по сути, ушло от подобного строя мыслей, а особенно чувств, прозвучавшее на страницах всё той же “Независимой газеты” (2 марта 2012) предложение запретить (!) работникам бюджетной сферы становиться членами избирательных комиссий? Именно с такой законодательной инициативой выступили депутаты петербургского парламента от фракции “Яблоко”, в глазах многих – едва ли не олицетворения самых высоких и чистых демократических принципов. Предложение обосновывается тем, что такая мера “осложнит применение административного ресурса на выборах”. Иными словами, без каких бы то ни было колебаний предлагается ввести своего рода *презумпцию виновности* по признаку социального положения. Но следующим шагом может стать предложение лишить бюджетников права голоса всё по тому же признаку – а почему бы нет? Разве не давит “административный ресурс” на избирателей-бюджетников? И разве их убогие зарплаты не делают их особо зависимыми от администрации? Что ж, голоса, предлагающие введение имущественного избирательного ценза, тоже уже звучали, и если творческая мысль “креативного класса” намерена работать и дальше в этом направлении, то от души хочется пожелать ему неудачи.

Я намеренно оставляю в стороне вопрос о том, из каких источников обеспечивается та “бюджетная независимость”, которую идеологи этого класса

представляют как бесспорную гарантию его особой гражданской качественности. А также о том, в каких сложных и тонких отношениях могут находиться эти источники если не буквально с бюджетом, то со всем совокупным и специфически перераспределяемым национальным доходом. Но думаю, понятно, что и само по себе такое крайне неприглядное явление, как социальная спесь, в условиях современной России обретает черты особо отталкивающие. И то, что бурно стартовавший протест, имевший немало шансов стать общегражданским, оказался поражён вирусом этой спеси, я считаю главной причиной его на сегодняшний день поражения, притом поражения вполне заслуженного. Однако не разрешёнными (а “белой улицей”, в общем, почти и не затронутыми) остались многие, если не большинство из породивших протест вопросов. Недалёкое будущее заставит вспомнить о них, и значение их, возможно, даже возрастет — не в последнюю очередь потому, что с завершением выборного цикла на ближайшие два-три года в тень уйдут на время заслонившие их электоральные страсти. Как выразился, перефразируя название некогда очень популярного в нашей стране итальянского фильма, один известный журналист, “выборы закончены — забудьте”.

Не стану спорить: о выборах, может быть, и удастся забыть — по крайней мере, на время. Но не об острейших общезначимых проблемах, которые не просто стучатся, но ломятся в дверь. И не карнавальной броскостью политических акций, не “креативной” дерзостью лозунгов и плакатов будет теперь определяться вес каждой из претендующих на активную роль общественных сил, но прежде всего способностью предложить внятные пути их разрешения. Разумеется, сказанное относится и к “болотникам”, часть которых ещё пытается вести арьергардные бои. Что ж, многие из них ещё молоды или даже очень молоды, а потому располагают хорошим запасом времени и для осмысления совершившегося, и для выработки новой программы действий. Как они распорядятся отпущенным им временем, покажет будущее. Но одно можно с уверенностью сказать уже сегодня: если им не удастся преодолеть так грубо заявивший о себе соблазн социальной избранности, то их “белая ленточка” рискует войти в историю как всего лишь эмблема застрявшего на её обочине и безнадежно отставшего от времени обоза.